

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P86

Kristen Roupenian
YOU KNOW YOU WANT THIS

Copyright © 2019 by Kristen Roupenian
This edition is published by arrangement with Union Literary
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Екатерины Ракитиной*
Художественное оформление *Елены Окольциной*

Рупеньян, Кристен.
P86 Ты знаешь, что хочешь этого / Кристен Рупеньян ;
[перевод с английского Е. Ракитиной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-104036-9

Ты знаешь, что хочешь этого... Знаешь, что хочешь, верно? Сборник рассказов Кристен Рупеньян о запретных желаниях, их пределах и наказаниях за эти желания. Он о страхах, о сексе, о власти — о том, что мир зубаст и его зубы прорастают внутри нас. Истории о паре, которая мало-помалу пьянеет от власти над своим слабовольным другом, о девочке-подростке, чьи злые желания исполняются в день рождения, темная сказка о королеве, влюбленной в свое отражение, и другие рассказы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104036-9

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Моей матери, Кэрол Рупеньян,
научившей меня любить то,
что меня пугает.*

Он видит
Что-то подрагивает
в твоей грудной клетке

и это не сердце

Белое, как коровьи кишки
Жилистое и сетчатое

*Лара Гленем,
«Привлекательность»*

Плохой мальчик

Позавчера наш друг остался у нас ночевать. Наконец расстался с этой своей жуткой девицей. Он именно с ней уже в третий раз расставался, но сказал, что на этот раз все, насовсем. Ходил по нашей кухне, перечисляя десятки тысяч мелких унижений и мучений за полгода, что они были вместе, а мы вздыхали в его сторону, и переживали, и перекашивали лица в гримасах сочувствия. Когда он ушел в ванную как-то привести себя в порядок, мы повалились друг на друга, закатили глаза и стали изображать, как будто душим себя и стреляемся. Кто-то из нас сказал, что выслушивать жалобы нашего друга о разрыве — все равно что слушать алкоголика, который ноет из-за похмелья: да, страдает он по-настоящему, но, господи, как же трудно найти в себе сочувствие к кому-то, кто настолько не понимает, в чем причина его проблем. Сколько еще он будет встречаться со всякими жуткими людьми и удивляться, что они жутко с ним обращаются, спрашивали мы друг друга. Потом он вышел из ванной, и мы налили ему выпить, в четвертый раз за вечер, и сказали, что он слишком пьян, чтобы садиться за руль, но мы с радостью устроим его на диване.

В ту ночь мы лежали в постели и говорили о нашем друге. Жаловались на то, что квартирка у нас маленькая и мы не можем заняться сексом так, чтобы он нас не услышал. Может, сказали мы, все равно можно — ничего, более похожего на секс, у него все равно месяцами не было. (Отказ в сексе был одной из манипуляций, к которым прибегала жуткая девица.) Может, ему понравится.

На следующее утро, когда мы встали на работу, наш друг еще спал; его рубашка была наполовину расстегнута. Вокруг валялись смятые пивные банки, то есть он явно продолжил пить один, после того как мы давно улеглись. Мы сварили еще одну чашку кофе и сказали, что он может сколько хочет оставаться у нас, но, придя домой, мы все-таки удивились, обнаружив его на диване.

Мы заставили его принять душ, потом повели ужинать и за ужином отказались слушать про разрыв. Вместо этого мы были просто лапочки. Мы смеялись над всеми его шутками, заказали вторую бутылку вина и давали ему советы о жизни. Ты заслуживаешь, чтобы рядом был кто-то, кто сделает тебя счастливым, сказали мы. Здоровых отношений с кем-то, кто тебя любит, сказали мы — и благодарно поглядели друг на друга, прежде чем переключить все свое внимание на него. Он был похож на печального пса, жаждущего ласки и похвалы, и приятно было видеть, как он все это принимает; нам хотелось погладить его по мягкой голове и почесать за ушами, чтобы поглядеть, как он завилает хвостом.

Когда мы вышли из ресторана, нам было так хорошо, что мы позвали нашего друга к себе. Мы пришли, и он спросил, можно ли ему снова переночевать у нас на диване, а когда мы на него нажали, сказал, что ему сейчас одиноко в своей квартире, там все слишком напоминает о его жуткой девице. Мы сказали: конечно, можешь быть у нас, сколько хочешь, у нас раскладной диван, он для этого тут и стоит. Но за спиной у него мы переглянулись, мы не собирались терпеть вторую ночь без секса — это раз, и, два, мы напились, и то, как мы весь вечер были лапочками, нас как-то завело. В общем, мы ушли в спальню и, хотя мы пожелали нашему другу спокойной ночи, по нам, наверное, было ясно, что мы собираемся трахаться. Поначалу мы старались не шуметь, но потом нам показалось, что наши попытки вести себя потише, хихиканье и шиканье друг на друга, скорее всего, привлекают больше внимания к тому, чем мы заняты, чем если бы мы просто вели себя как всегда, поэтому мы стали делать, что хотим, и, надо признать, нас это заводило — мысль о том, что он там, в темноте, нас подслушивает.

На следующее утро нам было немножко неловко, но мы себе сказали, что, возможно, именно этого ему и не хватало, чтобы покинуть гнездо и вернуться в свою квартиру, и, может быть, это даже побудит его найти себе подружку, которая станет с ним спать не раз в два месяца. Но днем он нам написал, спрашивая, какие у нас планы на вечер, и вскоре он уже оставался у нас почти каждую ночь.

Мы кормили его ужином, потом ехали втроем куда-нибудь, мы на переднем сиденье, а он всегда по-

зади. Мы отпускали шутки, что надо выдавать ему карманные деньги, что пора ему взять на себя часть домашних обязанностей; мы шутили, что надо заключить новый договор с оператором связи, чтобы внести нашего друга в семейный тариф, раз уж мы проводим вместе столько времени. А еще, говорили мы, надо получше за ним приглядывать, чтобы он не писал сообщения своей жуткой бывшей, потому что, хотя они и расстались, общались они по-прежнему, и он не выпускал из рук телефон. Он обещал исправиться, клялся, что понимает, что ему так только хуже, но потом снова начинал ей писать. Но по большей части нам нравилось проводить с ним время. Мы суетились вокруг него, заботились о нем, ругали его, когда он делал что-то безответственное — писал своей жуткой бывшей или не ходил на работу из-за того, что слишком засиделся прошлой ночью.

Мы по-прежнему занимались сексом, хотя он жил в нашей квартире. Если честно, это был лучший секс в нашей жизни. У нас появилась общая фантазия, выстроилась вокруг того, как он там прижимается ухом к стене и его сжирают зависть, возбуждение и стыд. Мы не знали, так ли это, — может, он накрывал голову подушкой и старался не обращать на нас внимания; может, стены у нас были куда более звукопроницаемые, чем нам казалось, — но мы сами для себя притворялись и подначивали друг друга выйти из спальни, пока еще были покрасневшими, с неровным дыханием, чтобы попить водички из холодильника и посмотреть, спит ли он. Если он не спал (он никогда не спал), мы перебрасывались

с ним парой слов, а потом мчались обратно в постель, хохотали и снова трахались, во второй раз, еще яростнее.

Нас так заводила эта игра, что мы начали повышать ставки: выходили полуодетыми или завернувшись в полотенце, оставляли дверь чуть приоткрытой или пошире. Наутро после особенно бурной ночи мы дразнили его, спрашивая, хорошо ли он спал или что ему снилось, и он смотрел вниз и отвечал: я не помню.

Мысль о том, что он хочет присоединиться к нам в постели, была просто фантазией, но, как ни странно, какое-то время спустя нас стало немножко раздражать, что наш друг так стесняется. Мы знали, что, если что-то и произойдет, первый шаг придется сделать нам. Нас было больше, это раз, два — квартира была наша, и три — так у нас все сложилось: мы им распоряжались, а он делал, что мы просили. Но мы все равно позволяли себе раздражаться на него, немножко его тиранить, винить его в том, что наши желания не исполняются, и дразнить еще жестче, чем раньше.

Когда ты заведешь новую девушку, спрашивали мы. Господи, все это уже столько тянется, ты, наверное, с ума сходишь. Ты ведь не драчишь на диване, нет? Лучше не надо. Перед тем как лечь, мы стояли над ним, сложив руки на груди, будто злимся на него, и говорили: ты лучше веди себя прилично, это хороший диван, мы не хотим завтра увидеть на нем пятна. Мы даже упоминали об этой шутке при третьих лицах, при хороших девушках. Скажи ей,

говорили мы. Расскажи про диван, про то, как он тебе нравится, как тебе на нем хорошо, да? И он ежил-ся и говорил: да, да, хорошо.

Потом однажды вечером мы напились, вот прямо сильно напились и стали шутить совсем жестко, настаивая, чтобы он признался: давай, ты же все время это делаешь, правда, ты тут с ума сходишь, подслушивая нас, извращенец, думал, мы не знаем? И тут мы на секунду замерли, потому что впервые сказали вслух, что знаем, что он мог нас слышать, а мы не хотели об этом говорить. Он, правда, ничего не сказал, так что мы вцепились в него еще сильнее — мы тебя слышим, сказали мы, размахивая у него перед лицом пивными банками, мы слышим, как ты тяжело дышишь, как диван скрипит, ты, поди, почти все время под дверью, подсматриваешь за нами, то есть все нормально, мы не против, мы понимаем, что ты дошел до ручки, но ради бога, прекрати, пожалуйста, врать. Потом мы рассмеялись, слишком громко, и налили всем еще по одной, а потом началась новая игра, и шутка была в том, что если он нас видел, десятки раз, то по справедливости и мы должны на него посмотреть. Пусть покажет, может же он показать нам, чем он занимается на диване, на нашем диване, когда нас нет рядом. Мы, казалось, несколько часов издевались над ним, и дразнили его, и заседали, а он все больше бесился, но не уходил, его как прибили к дивану, и когда он наконец начал расстегивать джинсы, нас заштырило, как никогда. Мы смотрели на него, пока могли, а потом бросились к себе и занялись этим с открытой дверью, но его не позво-

ли, не в тот раз; мы хотели, чтобы он наблюдал за нами снаружи, заглядывал в комнату.

Наутро всем было неловко, но мы справились, мы говорили: господи, как же мы напились, вообще ничего не помним. После завтрака он ушел и пропал на три дня, но на четвертый вечер мы ему написали, и пошли вместе в кино, а на пятый вечер он пришел к нам. Мы не упоминали про ту шутку и про то, что между нами произошло, но просто то, что мы вот так пьем вместе, казалось знаком согласия, что это снова случится. Мы пили крепко, всерьез, и с каждым часом напряжение росло, но росла и наша уверенность, что он этого хочет, и в конце концов мы сказали: иди в нашу спальню и жди нас. Когда он ушел, мы еще долго допивали, смакуя каждый глоток, а потом поставили бокалы и пошли за ним.

Мы установили правила, что ему можно, а чего нельзя, что можно трогать, а что нет. По большому счету, ему было нельзя ничего; он в основном смотрел, а иногда ему и этого не разрешалось. Мы были тиранами; большую часть удовольствия мы получали от того, что устанавливали правила, меняли их и наблюдали за его реакцией. Поначалу то, что происходило ночами, было странным, об этом нельзя было говорить, так, хрупкий пузырек у края настоящей жизни, но потом, где-то через неделю после того, как это началось, мы впервые придумали для него правило днем, и внезапно мир треснул и возможности хлынули через край.

Поначалу мы заставляли его делать то, о чем говорили постоянно: встать, принять душ, побрить-